

НАМЕК НА СОБРАНИЕ ОБУЧЕННЫХ

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ

ЦЫПКИН

ТОМ 1. ПРИДУМАНО И НАПИСАНО



ТОМАТНЫЙ
СОК



В ПИТЕРЕ



ОКНО



Одобрено Рунетом. Подарочное

Александр Цыпкин

**Старый добрый Цыпкин. Намек
на собрание сочинений. Том 1.
Придумано и написано в Питере**

«Издательство АСТ»

2016-2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Цыпкин А. Е.

Старый добрый Цыпкин. Намек на собрание сочинений.
Том 1. Придуманно и написано в Питере / А. Е. Цыпкин —
«Издательство АСТ», 2016-2025 — (Одобрено Рунетом.
Подарочное)

ISBN 978-5-17-177288-8

Александр Цыпкин ворвался в отечественную литературу в 2015 году сборником рассказов «Женщины непреклонного возраста», который по версии сервиса MyBook занял первое место в российском рейтинге популярности в разделе «отечественная проза». В дальнейшем вышло еще шесть сборников рассказов автора, каждый из которых становился бестселлером. Общий тираж книг автора составил более 500 000 экземпляров. Создатель литературно-театрального фестиваля «Беспринципные чтения». В рамках проекта рассказы Цыпкина и других российских авторов звучат со сцены в исполнении ведущих актеров страны – Константина Хабенского, Анны Михалковой, Сергея Гармаша, Виктории Исаковой, Гоши Куценко, Павла Деревянко и многих других. Тексты Цыпкина нашли свое воплощение и в кино: это сериалы «Беспринципные», «Министерство всего хорошего», «Что делать женщине, если...» – на этом список не заканчивается. Александр – востребованный драматург: среди его работ спектакли «Жил. Был. Дом» (МХТ), «Интуиция» (Современник, Театр драмы им. Шукшина), «Люди своевременных взглядов» (Красный Факел). В двухтомнике «Старый добрый Цыпкин» – лучшее за десять лет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-177288-8

© Цыпкин А. Е., 2016-2025
© Издательство АСТ, 2016-2025

Содержание

Код петербуржца	7
Родиться в столице Российской империи	8
Первое сентября. Боль	10
Деньги маленького мальчика	11
Окно	17
Миллионы гениев в мензурке	22
Мышки по норкам	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Евгеньевич Цыпкин
Старый добрый Цыпкин.
Намек на собрание сочинений
Том 1

Придуманно и написано в Питере

© Александр Цыпкин, текст, 2016–2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

НАМЕК
НА СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ



Код петербуржца от автора

Петербург мы, разумеется, обожаем. Хотя сам он жителей своих переносит с трудом, и его отношение к горожанам заметно даже плохо вооруженным глазом. Вот представьте себе Париж без людей. Что наблюдаем? Серо желтые коридоры брошенного замка. Рим без людей: раскопки, с которых сбежали археологи. Дубай без людей: город будущего после ядерной войны. Пусто, тихо и страшно. А в какое время суток наш город выглядит лучше всего? Правильно, в «белую ночь», часов в шесть утра. На улицах никого, но чувства одиночества нет, город все равно кажется живым и наполненным. Наш город прекрасен без нас. Отношение к горожанам у Питера, как у благородного кота к хозяину: «Корми, убирай и не мешай. Разрешаю побыть рядом и повосторгаться моей красотой. Будешь плохо себя вести – поедешь в Москву». Но, несмотря на социопатию, город умудряется заманивать на свои улицы интереснейших людей. Они либо выбирают его для своего рождения, либо (если менее удачливы) приезжают сюда после появления на свет. И если внимательно смотреть по сторонам, то можно встретить тех, кто носит в себе «код петербуржца». И не важно, стоит перед вами гениальный писатель или забулдыга с Лиговского. Код проступает на лбу.

Родиться в столице Российской империи Вместо предисловия

Родиться в столице Российской империи – это как родиться в обедневшей аристократической семье. Есть специфика.

Ну, во-первых, неотъемлемое право гордиться происхождением. Кто из петербуржцев не знает этого пьянящего чувства собственного превосходства в момент ответа на вопрос: «А вы где родились?» Особенно если задают его на какой-нибудь черноморской набережной в большой компании. Если вам повезло и вы с таким анамнезом один, вы моментально прибавляете в росте несколько сантиметров, а участие в общей беседе можете свести к редким кивкам – и все равно будете ощущать себя магистром общей культуры и интеллектуальным ориентиром. Даже если в Мариинском театре были только один раз на вручении какой-нибудь светской премии, а школу закончить не решились и до сих пор не уверены, как все-таки правильно: Иран или Ирак. Вы все равно уже владеете тем, к чему многие идут всю жизнь.

Ты из Питера. Всё. Жизнь удалась. Можно начать спиваться непосредственно в роддоме, но этого не пропьешь.

Ты счастливеец по дефолту.

Есть, конечно, и минусы. Что бы ты там ни сотворил в жизни, по большому счету, переплюнуть это достижение будет сложно. Равно как и в ситуации, когда ты аристократ. Трудно гордиться собой, если фамилия у тебя, к примеру, Мальборо, прадедушка герцог, а ты... ну просто хороший менеджер по продажам. Так же и с городом. Любой «неленинградец» спросит тебя с пристрастием: «То есть ты родился в самом красивом городе на Земле, ходил по тем же улицам, что Пушкин с Набоковым, и ты просто руководитель отдела продаж? Ты серьезно? Да ты адов неудачник».

Ты обижен и пытаешься защититься:

«А что в этом такого?! Тут не все гении».

«Вот именно! Вот если бы я тут родился, то был бы как минимум президентом, а ты все спустил в Неву. Весь Божий дар».

Скукоживаешься и идешь увольняться, а потом топиться в Фонтанке. Хотя можно и без увольнения. К черту формальности. Зато, пуская последние пузыри, ты знаешь, что похоронят тебя... да-да, в Питере.

Далее из прирожденных опций – это снобизм. Есть, конечно, исключения, истинная интеллигенция, допускающая право происходить из другого города. Этот снобизм иногда дорого (а у петербуржцев всегда проблемы с деньгами) обходится. Ну не всякий досточтимый помещик или капиталист будет помогать тому, кто его считает более низкой ступенью эволюции. Приходится прятать снобизм до худших времен, когда терять нечего и можешь сказать все, что думаешь. И опять же высокие требования окружающих.

Все та же набережная Анапы. Вы представляетесь окружающим, информируете их о рождении на «берегах Невы», где они-то не родились и не бродили. А вам в ответ: «Ну тогда в театр сегодня не пойдем, наш балтийский друг будет читать Бродского наизусть. Вы же все его знаете наизусть, так ведь?» Из Бродского вы знаете только «Ты еще жива, моя старушка», хотя не уверены, что это все-таки Бродский. Потом на чистом адреналине вспоминаете что-то про убийство на Васильевском острове или о смерти там же, ну хоррор, короче, какой-то. После такого провала вас изгоняют из шашлычной с привычным уже аккомпанементом: «Какого же хрена ты там родился, если Бродского не учил! Зелень ты болотная!»

Но закончим положительным моментом. Равно как и благородный отпрыск всегда может, не достигнув за морем успеха, вернуться в отчий дом и спокойно допивать свой век под сенью

фамильных дубов, так и родившийся в бывшем Ниеншанце (кто не знает, на «берегу пустынных волн» без всяких признаков упадка до Петербурга был шведский город, но об этом не принято вспоминать, не патриотично) может в любой момент уехать в любую точку мира и не переживать, что назад дороги нет. Согласитесь, есть разница: свалить покорять Москву из деревни в Тамбовской, к примеру, губернии или с Итальянской улицы города на Неве. На Итальянскую улицу всегда можно вернуться и сказать: дескать, посмотрел я на вашу Москву, не мое, дыра дырой, вот-с и прибыл назад. Многие даже поверят. За такой же пассаж при возвращении в упомянутую выше деревню высмеют всей деревней.

И это только вершина аристократического айсберга. Нет времени на полноценное исследование, ибо живу в Москве и времени ни на что не хватает. В заключение хочу сказать: невероятно счастлив тем, что всеми предыдущими жизнями заслужил родиться там, мечтаю вернуться, но все оттягиваю этот счастливейший момент; могу, конечно, и оттянуть навсегда, но мечта же живет, мечта же существует.

Первое сентября. Боль

Тяжело в школе оставаться без друзей.

Первое сентября девятого класса. Я приезжаю с дачи и более всего жду встречи со своей компанией. Еще трое таких же оболтусов. За восьмой класс, как мне казалось, мы особенно сдружились. Развлекались безбожно. Ну, к примеру, ездили в Гостиный двор, примеряли идиотские женские шапки и дико ржали, пока нас наконец не выгоняли. И еще много интересного. Но лето – это три месяца. За три месяца все могло раствориться, даже крепкая мужская дружба. Тем не менее я верил в чудо. В школу летел на крыльях, бежал из автобуса, готовый броситься в объятия мушкетерам. Девяносто дней спустя! Ищу. Кто-то сказал, что они на третьем этаже в каком-то пустом кабинете. Сердце стучит. Подхожу к открытой двери, вижу – сидят. Занимаю проем и оттуда бросаю:

– Здорово, отличники!

Все трое обернулись, равнодушно сказали:

– Привет.

И отвернулись. Мой мир рухнул. Не хотелось плакать в 14 лет, но я был готов. А чего я ожидал и, главное, с чего? Ну потусили в прошлом году. За лето все забылось... Больно, конечно, так их ждал. Парни...

Тут один снова на меня, застывшего в дверях, посмотрел. Глаза округлились:

– Цыпкин, это ты?!

Все трое разом вскочили.

– Ты что, нитратов объелся? Ты где ходишь, мы уже час тебя ждем!

За лето у меня сломался голос, я вырос на двенадцать сантиметров и отрастил волосы. Я никогда не был таким счастливым.

Деньги маленького мальчика

Мне 11 лет. Лето я проводил на даче, заняться было особо нечем, а в сельпо продавалось много интересного и отчаянно нужного. От безысходности начали с другом собирать бутылки. А кто не собирал?! Двадцать копеек за штуку. Пять бутылок – рубль. Один рубль – э-э-эх! Ну вы помните. Окружные леса никогда не пребывали в такой чистоте, как после наших походов. Людей, разбивавших бутылки, я ненавидел всей душой, а тех, кто их выбрасывал, считал глупцами. Я начал жить, измеряя капитал любого человека количеством бутылок. Даже мамину зарплату младшего научного сотрудника я перевел в стеклотару и визуализировал. Я стал просить покупать мне омерзительный нарзан вместо пепси-колы. Родители удивились, но радостно пошли навстречу. Даваясь соленой гадостью, я помнил, что эта бутылка при сдаче стоит на десять копеек дороже. Иногда в лесах мы находили такой стеклянный антиквариат, что приемщики подозревали нас в ограблении музея раннего палеолита.

Надо сказать, что в трех километрах от дачи, где я жил с прабабушкой, находилась дача моего дедушки по еврейской линии, крупного строительного начальника. На выходных я регулярно являлся туда с лицом, выражающим безмерные страдания и очевидную потребность в деньгах. Воспитывали меня в строгости и домой отправляли сытым, но таким же бедным.

День рождения у дедушки был летом и отмечался на даче с большим размахом. Дефицитные деликатесы украшали богатый стол и доводили меня до невроза. Однако в тот день, о котором идет речь, я не обращал внимания на копченую колбасу и красную икру. Меня интересовали бутылки, места скопления которых узнавались мною по запаху. Еще до начала застолья я подсчитал свою завтрашнюю выручку и осоловел. Это был первый раз, когда я хотел, чтобы праздник поскорее закончился. Мне не терпелось получить активы в собственность. Когда наступил черед «Наполеона» и стало понятно, что опустошены все принимаемые в СССР бутылки, я вылетел из-за стола, примчался на кухню, куда уносили все, что мешало в столовой, и начал складывать стеклотару в припасенную сумку безобразного вида. Праздник был веселый, и мои копания в мусоре никто не заметил. Наконец я собрал все богатство и решил откланяться, так как тащить ночью три километра огромную звенящую сумку не хотелось. Как истинный сумасшедший, я боялся ограбления. Удивительно, как мы теряем разум, занимаясь накопительством и стяжательством, идя на жертвы, чаще всего несоизмеримые с ожидаемым результатом.

Провожать любимого внука собрались все участники банкета, дедушка шел последний. Каждый гость, выходявший меня поцеловать, застывал, разглядывая сумку с бутылками, стоявшую рядом с тщедушным мальчонкой, уходящим в сумерки. Разум, замутненный стеклом, постепенно стал ко мне возвращаться, и я осознал потенциальные интерпретации данной мизансцены. В глазах общественности состоятельный дедушка выглядел окончательным Плюшкиным, который заставляет внука переть на себе обоз с бутылками, чтобы дать хоть как-то заработать ему на пропитание. Сумка была чуть ли не с меня размером, но в ней едва ли набралось на пять-семь рублей. Колбаса и икра на столе стоили значительно дороже.

Гости медленно стали поворачиваться к хозяину праздника. Ожидались едкие шутки, особенно на тему отношения в еврейской семье к русскому внуку.

Дедушку я любил и опозорить его не мог.

– Дедуль, а где у тебя помойка? Я хоть бутылки вынесу, польза от меня будет.

Сердце обливалось кровью, но лицо было безмятежно-беззаботным. Тем более я знал, что помойка где-то далеко, и рассчитывал, что никто меня провожать не пойдет.

– Спасибо. Может, посидишь еще? «Наполеон» вкусный, арбуз, куда тебе спешить?

Душа рванулась, но бизнес есть бизнес.

Неожиданно один из гостей сделал шаг вперед и хладнокровно убил меня:

– Да оставь ты бутылки, Санек. Я в город отвезу на машине, сдам, пропьём с твоим дедом, чего добру пропадать.

Главное было не зарыдать. Огромные, грубые ладони взяли в охапку эти нежные цветки и вместе с кожей оторвали от меня.

Я шел домой через туманные, покрытые августовской ночью токовские холмы и плакал. Маленький обездоленный мальчик с тонюсенькими ногами, вставленными в тяжелые разваливающиеся сандалии, у которого только что отобрали последние деньги, а с ними – последнюю надежду. Мир казался мне катастрофически несправедливым и бесконечно жестоким. Насладиться летней прогулкой належке в голову мне не приходило. А ведь сколько счастья было в той теплой ночи беззаботного детства, да и деньги мне были, честно говоря, не нужны. Про упущенный «Наполеон» я вообще молчу.

Удивительно, как мы теряем разум, занимаясь накопительством и стяжательством, идя на жертвы, чаще всего несоизмеримые с ожидаемым результатом.

Вспоминая ту летнюю драму, дедушку, который ушел не так давно, но уже навсегда, детство, сбжавшее, словно ветреная любовница, мне подумалось: а сколько я бы сейчас отдал за машину времени? Сумма мне известна – она равна той, что я готов буду отдать через двадцать пять лет за полет в сегодняшний день. Но я же здесь. Так зачем платить? Вот он – день, в который я захочу вернуться. Это его воздух. Вокруг его люди.

Я не попаду назад, я не буду платить в будущем. Взаимозачет.

Но прочь, рефлексия, следующая история. Очистив токовские леса от всех пустых бутылок, я не сильно приблизился к Рокфеллерам и решил самодиверсифицироваться. Но чем заняться? Руки у меня обе левые и растут прямо из жопы, физической силой не обладаю, фарцевать в садоводстве некому и нечем. Я, правда, попробовал рубить за деньги дрова, но на второй день топор слетел с топорщица, чуть не убив увернувшегося работодателя и разбив окно в его бане. Все шло к возврату в бутылочный кластер. Но вдруг в моей голове родилась мысль.

Жили мы на полуострове, окруженном дивными холмами значительной, по карельским понятиям, высоты. Зимой даже горнолыжники тренируются. Виды такие, что дух захватывает. Но у холма есть один недостаток: на него тяжело влезать. По старой советской традиции, магазины и другие блага цивилизации удобно разместили на вершине, а дачи у подножья. Хочешь в сельпо – идешь час в гору. А неохота.

Лень. Сакральное русское чувство. Наша лень совершенно иррациональна. Лень наклониться в душе за упавшим шампунем – будем полчаса пытаться поднять его пальцами ног. Лень взять корзинку в супермаркете – будем нести в руках тысячу мелочей, бесконечно их роняя и матерясь. Лень вызвать мастера – сами что-то прикручиваем, приклеиваем, присобачиваем, пока все окончательно не сломается. Лень ходить к врачам регулярно – ждем, пока прижмет, и тратим в итоге в десять раз больше времени и денег. Лень работать – бесконечно празднуем и боготворим проблемы США. И так далее.

На мое подростковое счастье, ряду соседей было лень таскаться на гору, и мое предложение осуществлять доставку продуктов за «долю малую, но справедливую» нашло своего клиента. Но и меня сгубила лень.

Составив список пожеланий и получив финансирование, я сел на велосипед и отправился в путешествие. Покупок набралось много, но ехать два раза мне было, как вы понимаете, лень, и я решил, что как-нибудь все привезу сразу, тем более, деньги я еще не заработал, но уже потратил.

Тоже, кстати, особенность нашего менталитета – отсюда популярность кредитов под космический процент на космическую херню. Устроился на работу, посчитал, сколько получишь за десять лет, и сразу все потратил. Уволили – сидишь критикуешь правительство и ненавидишь банкиров.

Но вернемся к моему бизнесу.

Я все купил и кое-как распихал товар по велосипеду. Небольшая детализация. Двухколесное средство передвижения было огромным, а я, напротив, – ростом с бублик. Мои ноги доставали только до педалей, но я научился запрыгивать на велосипед, как Боярский на лошадь. В цирке выглядел бы забавно – этакий суслик на самокате, а вот на шоссе создавал своим плохо-управляемым агрегатом множество проблем. А тут еще куча кульков, невероятным образом приотпавленных к заднему багажнику, мешок, висящий на правой стороне руля, и бидон с молоком, уравновешивающий его слева. Даже для шапито перебор. Особый шик картине добавляли синие тренировочные с незабвенными штрипками. Вспоминая моду СССР, я понимаю, почему секса в той стране не было. И большевиков погубили джинсы, а не ракеты. Уверен.

Итак, я еду. Равновесие держу с трудом, но мысль все-таки разделить ношу на две ходки гоню как можно дальше. Неожиданно штрипка тренировочных попадает в цепь. Ногами до земли я не достаю, ручного тормоза у велика нет, куча скарба на руле во главе с полным бидоном ситуацию не упрощает. Качусь по инерции, думаю, что делать. Метрах в тридцати от меня остановка сельского общественного транспорта. Людей на ней больше, чем физически может влезть в любой автобус, и все это понимают, так что стоят плотно у края и в дождь, и в зной. Автобус в город ходит регулярно, два раза в день, поэтому кто не влез, тот идет пешком три километра до электрички, и там аттракцион повторяется. Маршруток нет в принципе, машин у людей в основном тоже. Так что стоим, товарищи, и не жалуемся.

Перед остановкой лужа широкая, как Волга. Асфальт положили плохо, автобусы тяжелые и колесами выдавили яму, заполняемую водой частых ленинградских дождей. Мой велосипед начинает терять скорость, решения у меня в голове так и нет. На глазах изумляющейся толпы я въезжаю в самый центр лужи, останавливаюсь и закономерно валюсь в это озерцо со всем товаром.

Я – в грязной воде, на мне – велосипед, сверху – россыпью ВЕСЬ ассортимент деревенского магазина: пародия на макароны из «охереть каких твердых» сортов пшеницы, позапозапрошлогодняя картошка, похожая на прошлогоднюю сливу; серая булка, видевшая Ленина; стальные сушки, размокающие только в кислоте; синяя, как тренировочные, и, очевидно, умершая своей смертью курица; леденцы с неотдираемой оберткой. Все это залито двумя литрами молока. Хорошего молока, так как оно от недобитого колхозниками кулака.

Падение мое тянуло на «Оскар» и было встречено бурными продолжительными аплодисментами стоящих на остановке. Лежу.

Помочь особо никто не торопится, так как лужа глубокая, да и место у края остановки терять не хочется. Тренировочные плотно зажаты цепью, велосипед тяжеленный. Мокро, обидно, больно, безнадежно.

Именно в эту минуту подъехал автобус. Водитель остановился перед лужей, в которой, как в ванной, развалился я, высунулся из окна и крикнул:

– Уберите этого идиота от остановки, иначе вообще двери не открою, пешком в город пойдете.

Какой-то тучный мужик спешно снял сандалии, зашел в лужу, оторвал кусок тренировочных, поднял меня с велосипедом, выкинул обоих на обочину и побежал, расталкивая толпу, к дверям автобуса, который безжалостно раздавил заказ моих замечательных соседей. В оборванных трениках с разодранным локтем я смотрел на отражение белых облаков в молочно-серой воде, размышлял о природе лени, мечтал о дефицитном велосипеде «Кама» и думал о том, как найти деньги, чтобы расплатиться с инвесторами.

Не влезшие в автобус стали расходиться, оставив после себя любимые мною бутылки. Я подумал: «Ну ее, диверсификацию». Надо развивать ключевую компетенцию и не вкладывать в непонятные стартапы. За неделю я собрал бутылок достаточно, чтобы компенсировать потери от провала в бизнесе по доставке. От судьбы не уйдешь. Кто-то должен был собирать

стекло в готовящейся разбиться вдребезги империи. Так закончилось лето, мне исполнилось двенадцать, и на день рождения мне подарили копилку.

Опустив в классического борова первую монету, я сразу же лишился рассудка. Откуда-то взялась патологическая жадность и развился слух. Тратить деньги я перестал в принципе, а звон выпавшего из кармана чужого медяка я слышал за несколько километров. Мне до дрожи в пятках хотелось поскорее наполнить свиноподобный сундучок и посчитать сокровища. Я даже начал взвешивать копилку на безмене, чем немало озадачил родителей, которые не понимали, как можно перевести силу тяжести в деньги. Незадолго до окончательного заполнения фарфоровый сейф переехал ко мне в кровать. Я засыпал и просыпался с ним в обнимку, так как боялся, что чудовища, вроде бы переставшие жить под кроватью уже как пару лет, вернуться и украдут накопленное.

Наконец наступил день М. Я торжественно расколотил ларец, растекся между монетами, облобызал каждую, посчитал несколько раз, разложил по номиналу и увидел нирвану всеми доступными на тот момент глазами. Ненадолго вернувшись в реальный мир, я задумался, как же это все поменять на бумажные деньги. Пришлось обратиться к бабушке, которая умилилась малолетнему скряге и согласилась помочь. Следующим вечером она сообщила, что обмен произошёл, но попросила эти деньги на пару дней в долг. Я был горд. Профинансировать практически главу семьи. Это ли не верх могущества? Проценты брать не стал. Еще через день бабушка попала в больницу, о чем я узнал из случайно услышанного разговора родителей.

Я, как мне кажется, не самый плохой человек и точно был хорошим ребенком. Меня близкие любили, и я их любил, заботился о них, рисовал открытки, читал с табуретки стихи, писал про семью в стенгазете, гордился, ценил. Но в тот момент, когда я услышал о бабушкином несчастье, темная сторона силы сдула все ростки добродетели с поверхности моей души.

«А что будет с моими деньгами, если...» – я возненавидел эту мысль, как только она появилась, и загнал ее в самый дальний угол головы. Но и оттуда она сверкала пурпурно-фиолетовым. Нет, я, конечно, переживал, даже плакал, но мысль-то проскочила. Мне стало очень стыдно, мерзко и противно из-за ее рождения. Ох эти метания порядочного человека, которые так отравляют спокойное совершение непорядочных поступков!

На мое и общее счастье, скоро выяснилось, что жизни бабушки ничего не угрожает, и я вновь начал ощущать себя достойным сыном своих родителей, пока опять не подслушал о потенциальных проблемах с памятью после случившегося.

Если в вопросах жизни и смерти свет, разумеется, победил и я не думал о деньгах, кроме первой молнии сомнений, то вот сейчас дьявол реально занялся мною всерьез, и он был в мелочах, точнее, в мелочи.

Я живо представил себе, как здоровая и невредимая бабушка возвращается домой. Все счастливы. Она все помнит, кроме своего долга. Воспаленное воображение нарисовало мне именно такую картину частичной потери памяти.

«Лучше она бы что-то другое забыла, например про тройки в четверти или про разбитую вазу, но ведь не вспомнит именно про деньги, уж я-то чувствую» – пару дней я провел, подробно изучая амнезию по имевшейся в доме медицинской литературе. Полученные знания меня не порадовали. Настроение ухудшилось до предела.

Ждать исхода не представлялось возможным, и я напросился на визит в больницу. Разумеется, признаваться в посещавших меня страхах в планах не было, но как-то прояснить ситуацию с бабушкиной памятью хотелось.

По дороге я провел разведку.

– Папа, а что, бабушка может про меня совсем забыть? – голосом, полным трагического сочувствия, поинтересовался я.

– А что ты натворил? – без тени сомнения в моей сентиментальности отреагировал отец, знавший, с кем имеет дело.

– Я ничего, просто так спросил. – Изобразить научный интерес, очевидно, не удалось.
– Ты не волнуйся. Я, если что, про тебя напомним. – После этой фразы я замолчал до самой палаты.

– Ну вот вы зачем ребенка в больницу притащили? – Бабушка была достаточно бодра.

– Сам вызвался, – порадовал папа.

– Спасибо, Сашуль, мне очень приятно. Как дела?

А вот мне не было очень приятно. Вновь стыд и самобичевание.

«Спроси, спроси ее про дни перед больницей», – шептал в ухо внутренний демон, державший в руках коньки, на которые я собирал деньги.

– Хорошо, – выдавил я.

– Очень твоей памятью интересовался, – огрел дубиной и меня и демона смеющийся отец. Я мгновенно вспыхнул.

– Моей памятью? – удивилась бабушка.

Я ненавидел себя, весь мир, деньги, коньки, копилки и особенно папу.

– Ага, вероятно, рассчитывает, что ты о чем-нибудь забудешь. Уж слишком тревожный голос у него был, когда спрашивал. – Отец упивался моментом, не подозревая, насколько противоположными по сути были его подозрения.

– Слушай, а может, у меня и правда с памятью проблемы? Саня, напомним, что я должна забыть? Я не буду ругать, просто я грехов за тобой не помню последнее время.

Если бы я тогда знал, что такое сюрреализм, то точно бы охарактеризовал ситуацию этим словом.

– Ты ничего не должна забыть! Я просто так спросил, когда услышал про болезнь! Я же все изучаю! – Я уже почти рыдал, но это была правда. Я практически жил внутри Большой Советской Энциклопедии, если вдруг узнавал о чем-то новом. – Да ладно, успокойся ты, ну забыла, значит, забыла. Считай, что тебе повезло, – с улыбкой на лице попыталась меня успокоить бабушка.

На этой фразе даже демон внутри меня начал смеяться. Я же был готов взорваться на месте: «Повезло?!»

– Я пошел в туалет, – дрожащим голосом, полным обиды и разочарования, я прикрыл свой отход.

«Деньги – зло. Я тону во вранье. Я больше никогда, никогда...» – и далее целый список, заканчивающийся клятвой не давать в долг больше, чем готов потерять. Вот такие мысли крутились в моей голове всю дорогу из больницы домой.

Вечером папа сдал мне мелочь, как это периодически происходило последний месяц, и спросил:

– Когда копилку-то разбиваешь?

Мне стало совсем нехорошо. В списке «никогда более» ложь находилась на первом месте, а рассказать отцу о судьбе накоплений в нынешних обстоятельствах означало бы катастрофу. Редко когда осознаешь полную безвыходность положения. Похолодевшими губами я пролепетал:

– Я ее уже разбил, так что мелочь больше не нужна. Спасибо.

– О как, и сколько насобирал? – не отвлекаясь от книжки, поинтересовался отец.

Его равнодушие так диссонировало с бурей внутри меня, что мне казалось, этот контраст осязаем и виден невооруженным взглядом, как парашют Штирлица в известном анекдоте.

– Двенадцать рублей. – Обреченность чувствовалась в каждом слове.

– Куда дел?

Я как раз в тот момент читал «Колодец и Маятник» Эдгара По. В рассказе инквизиция создала комнату, в которой сжимаются стены и загоняют жертву в бездонный колодец.

– В долг дал, – выполз ответ.

«Господи, если он не спросит „кому“, я обещаю тебе... Все обещаю, что хочешь!!!» – пронеслось у меня в голове.

– Кому? – папа отвлекся от книги и посмотрел на меня с неподдельным любопытством. Бога нет. Ок. Я опустил глаза, обмяк, усох и начал сознаваться.

– Баб...

Вдруг зазвонил телефон. Я рванул, как раб с плантации.

– Але!

– Саня, это бабушка, папа дома? И, кстати, не забудь у меня свои двенадцать рублей забрать, когда в следующий раз придешь.

– Да мне не горит, – от щек можно было прикуривать в тот момент. – Пап, тебя.

За время папиного разговора я стремительно почистил зубы, разделся, лег спать и, поняв, что не засну, учился изображать спящего. Папа так и не заглянул. Я вошел в роль и вырубился.

Эпилог

Через два дня я заехал к бабушке, забрал деньги, положил их в варежку, которую немедленно оставил в трамвае. Я не удивился и не расстроился. В графе «Уроки» стояло «Выучено».

Окно

Иногда так ошибешься в человеке, что потом еще долго приходишь в себя. Интересное, кстати, выражение, задумался однажды противоположно ли оно по смыслу фразе: «выйти из себя». Так или иначе – поколебал тот случай мою бесконечную уверенность в способности разбираться в людях. Но по порядку. У этой истории даже имеется пролог, чуть ли не длиннее самого повествования.

Самые счастливые люди встречались мне на вокзале. Они вскакивают в последний вагон «Сапсана» за миллисекунду до отправления. Чаще всего у них одышка, дрожь в коленках, пот фонтаном и выражение абсолютного умиротворения на лице.

Даже самые отъявленные аристократы, если их никто не видит, как зайцы скачут по вокзалу, когда опаздывают на поезд. Смотришь, вроде человек, а на самом деле заяц с чемоданом, чаще – с двумя. В момент прыжков он обещает себе: 1) пойти на спорт; 2) всегда выходить заранее; 3) купить ботинки поудобнее.

Но это все в будущем. А сейчас он бежит изо всех своих скудных сил и когда успеваешь, то нет его счастливее. Даже если цель поездки – развод, похороны, увольнение или теща. Оргазм вбежавшего в последний вагон.

Итак, я именно в этом состоянии. Отхрипевшись на проводницу, я поплелся в свой вагон. Прихожу. Рядом со мной сидит парнишка лет восьми-деяти. Как только я обозначил свое присутствие, его бабушка обозначила свое, одновременно спросив и приказав:

– Молодой человек, вы не возражаете, если мы с дочерью посидим рядом, поговорим? А вы на мое место садитесь, пожалуйста. Спасибо.

Пассажирка закончила со мной и дала распоряжения внуку:

– Митя, веди себя тихо, дяде не мешай, слушай книжку. Нам с мамой поговорить надо.

Я был готов ехать даже стоя, поэтому оккупацию своего места не заметил бы в любом случае, и, разумеется, согласился. Бабушка мне не понравилась. Она мне напомнила фильм «Пятый элемент», в котором чудище натянуло на демоническую голову благообразное человеческое лицо. Глаза все равно выдавали мерзость, а кожа ходила ходуном. Женщина была объемная, с мощными руками, шей – ошибкой скульптора и мелкими глазами за мелкими очками. Мне в какой-то момент показалось, что у нее раздвоенный язык и третье веко. Никакая она не бабушка. Бабка. Не хотел бы я оказаться на месте Мити или Митиной мамы. В последствии я понял, что они со мной согласны.

Митина мама сидела у окна с потухшим лицом и сцепленными руками. Куцая, худенькая, какая-то заброшенная и безжизненная. Мне показалось, в ее глазах была мольба не соглашаться, когда бабка со мной договаривалась. Повторюсь, реально никто со мной не договаривался, просто известили. Вежливо. Как хороший палач.

Итак, мы расселись. Через минут пять я понял, что за важный разговор. Бабка при рождении проглотила рупор и как бы я ни хотел избавить себя от ее болтовни, все равно погрузился в семейные проблемы моих соседей.

Митиною папу хаяли. С беспощадной любовью настоящей тещи. Исходя из слов бабки-змеи, ее зять был убийцей Леннона, Графом Дракулой, Шариковым и футболистом сборной России в одном лице. Ничтожество и монстр, бабник и социопат, ужасный, равнодушный отец и в то же время плохо влияющий на Митю (так как слишком сильно его любит своей паскудной любовью). Мало зарабатывающий, но слишком много работающий. Я бы хотел таким родиться. Абсолютно все недостатки собрались в одном человеке. Жалкие возражения дочери глушили динамитом.

– Что ты о мужиках знаешь?! Я вон сразу поняла, что твой отец скотина, а то бы так и жила с ним.

– Давай о папе или хорошо, или никак. Мам, я прошу тебя.

– Нет уж, пусть и там все слышит!

Думаю, несчастный мужик отправился в мир иной именно по причине бабкиного замечательного характера. Наслушался, так сказать. Но это всегда наш собственный выбор. Всегда.

Митя в какой-то момент снял наушники и тоже прислушался к разговору. Ему было больно. Он пронзительно смотрел на меня, как бы пытаясь сказать: «Это все не так». Но не решался. Кроме этого, паренек был простужен и периодически чихал. После каждого чиха бабка вставляла свое, с позволения сказать, лицо в проем между креслами и с удовлетворением маньяка в анатомичке чавкала: «Вот, правду говорю», – и продолжала свой выпуск программы «Пусть говорят». Митя сдерживался, чихал внутрь себя, но иногда звук вырывался, и вновь жаба светилась радостью, легитимизируя наброс волею высших сил. Митя видел в своем чихании какое-то предательство отца, он после каждого появления бабки взглядом извинялся передо мной, мол: «Не правду говорит, не правду!»

Каждый безголосый крик сокращал жизнь будущего взрослого Мити, выжигал ему сердце, делал неврастеником, иссушал душу, а вот бабка, уверен, прибавляла еще год к своему очень полезному земному существованию. В какой-то момент мальчик усилием воли справился с рефлексом и затих. Бабка пару раз взглянула в щель крысиными глазками, проверяя, где застряла ее эзотерическая поддержка, но огнем не выключила.

И тут я тоже вдруг захотел чихнуть. Не знаю, что со мной произошло. Может, аллергия, может, за компанию, но я начал набирать в легкие воздух, морщить лицо, характерно моргать, практически выстрелил и... увидел Митино лицо. Он умолял не делать этого, не участвовать в травле его отца, себя сдержать он-то смог, а меня-то как?! В его глазах застыла беспомощность и какая-то безнадежность. Весь мир был против маленького мальчика. Я понял, что если подставлю паренька, то не прошу себя. Никогда я еще не замораживал воздух внутри носоглотки. Мне казалось я сейчас лопну, неразорвавшийся снаряд крутился волчком у меня в голове, и я ждал, когда мозги разлетятся по вагону. Глаза вылезли из орбит, но мальчик так их гипнотизировал, что вдруг все прошло. Я расслабился. Мы оба улыбнулись. Мы ее победили. Не будет ей поддержки! Наша взяла!

И тут какая-то сука слева чихнула.

Старуха чуть ли не заорала: «Правду говорю». Я и Митя – оба стали искать подонка, но он затихарился и больше не издавал ни звука. И правильно. Убил бы.

Через некоторое время мокрая от слез дочка-мама пошла в туалет. Она с тоской посмотрела на Митю, но не стала брать его с собой. Мальчуган заплакал. Завыл, точнее. Тихо так заскулил, чтобы бабушка не услышала, наверное. Мне показалось, что слезы прожгут его сиденье.

Я сидел с комком в горле. В голове стучало: «Что же ты делаешь, сволочь, что же ты делаешь...» Вспомнилось, что один раз уже повторял эти слова.

Не помню, какой год. Я радостно живу на Караванной под самой крышей. Эх, было хорошо. Караванная. Крыша...

Еда квартиру не любила, и поэтому я периодически спускался в окружные шалманы с целью добычи мамонта. В соседнем доме располагался паб, и там я регулярно убеждал себя в полезности для моего здоровья пива с сосисками.

Кабачок невеликий, завсегда таи узнавали друг друга в лицо и вскоре я познакомился с Бинго. Бинго получил свое прозвище за то, что постоянно говорил: «Бинго». Даже когда ему приносили 0,5. Если честно, я забыл, как его звали в реальности. Да это и не важно. Он был выше меня, уже в плечах и шире в мыслях. Бинго рассуждал столетиями. Как-то мы пили в рюмочной на Пушкинской:

– Вот меня интересует, Пушкину сейчас важно, что он наше всё, или нет? Нет, ну правда, вот он там сидит бухает с Дантесом.

– Почему с Дантесом? – я пытался найти логику.

– Ну а с кем еще ему бухать? Не с женой же. Дантес о нем всю жизнь думал, самые близкие люди, если не брать в расчет дуэль, но кто старое помянет?..

– Разумно.

– Так вот, бухает он с Дантесом, и тут им новости от нас утренние, мол, Пушкин супермен, а Дантес скотина. Мне вот любопытно, это имеет для них какое-то значение, или нет?

– Прости, а почему ты так паришься из-за этого?

– А ты не догоняешь?

– Нет.

– Это же сильно упрощает мою жизнь. Если Пушкину там все равно, то мне уж давно можно не напрягаться в попытках оставить след.

Бинго залпом убрал очередную сотку. Я воздержался. Мне стало вдруг неуютно от этой темы.

– А ты хочешь оставить след?

– Я начал об этом задумываться.

– Давно?

– С утра.

– Тяжелое утро было?

– Утро легкое, только если ты зря живешь. У нормального человека утро должно быть тяжелым. Да нет, утро было обычное. Деда тут встретил. Хочу комнату свою сдать, вот он меня и грузанул.

Я удивился. Бинго жил в отличной двухкомнатной квартире в соседнем со мной дворе. Она ему досталась от бабушки, и для двадцатипятилетнего историка, рухнувшего в менеджеры какой-то бессмысленной конторы, такая жилплощадь должна быть пределом мечтаний.

– В смысле, свою квартиру сдать?

– Нет, есть маза именно сдать комнату.

– Чтобы с тобой кто-то жил? На хрена?

– Да ты понимаешь, тут какое дело, иду я домой, а во дворе дед гуляет. Приличный такой, в пиджаке, очках и с палочкой. Видит меня и спрашивает: «Молодой человек, вы не в курсе, здесь никто квартиру не сдает во дворе?» Я сначала мимо ушей пропустил, а потом решил: дай разузнаю что к чему. И выяснил я, что хата нужна ему на несколько часов днем. Женат он, я так понял, завел зазнобу. Судя по всему, отель дорого, а квартирка моя в самый раз.

– Так и сказал?

– Ну я спросил: «Из-за бабы?» Он говорит: «Да». Вроде как она тут рядом бывает, и так всем удобнее. Просил не болтать.

– Ты не болтаешь, как я погляжу.

– Ой, да хорош тут мне дворянина включать, кроме тебя, никто не знает. Вот всем интересно, с кем там у деда роман. Короче, подумал я, а чего мне комнату-то не сдать днем, и деньги не лишние, и деда осчастливорю и еще кое-кого, так понимаю.

– А почему в итоге ты про след-то заговорил?

Бинго нахмурился, как будто я ему напомнил о зубном.

– Да мы с дедом разболтались у меня на кухне, когда квартиру показывал. Он какой-то ученый советский. Все, разумеется накрылось, но где-то есть завод, на котором что-то работает, что он придумал. И я так понял, хреновина эта переживет и деда, и нас с тобой, потому что, разумеется, с тех пор ничего не поменялось на заводе. Так он гордится, что, помимо детей, оставил след. А я что оставляю? Ну хорошо, если детей, а в остальном, судя по нынешней ситуации, след будет, как от укуса комара: краткосрочный, но раздражающий. И тут мне показало: выход есть. Если на том свете мне след не нужен будет, то на этом я как-нибудь с собой договорюсь. А вот если выяснится, что мне и там этот дед с вопросами своими неприятными

являться будет, то как задним числом след нарулить? Поэтому я и напрягаюсь с утра. Завтра, думаю, работу по этой причине пропустить.

Я сразу решил, что не надо мне с таким дедом встречаться. Очень вредный для спокойной жизни человек. Тем не менее однажды пересеклись. Эти минуты я запомнил на всю жизнь.

Как вы понимаете, Бинго сдал распутному дедушке одну из своих комнат. Борис Сергеевич устраивал любовь раза два-три в неделю, чаще всего в одно и то же время. Предупреждал заранее о визите и оставлял после себя идеальный порядок. Нам даже как-то становилось стыдно за собственную расхлябанность и бардачность. Присутствие деда мы опознавали по вымытым чашкам, иногда бокалу, какой-то новой еде в холодильнике и открытым занавескам на кухне. Более всего нам хотелось выяснить, кто же его избранница. Ну как так?! Палочка, очки и три раза в неделю. До подглядывания опуститься мы не посмели, но судьба решила все сама.

Борис Сергеевич был до предела педантичен и если предупреждал, что покинет обитель в шесть, то в шесть ноль одну можно было заходить в пустую квартиру. Мы с Бинго на теме следов в истории очень подружились и все чаще заменяли паб либо его, либо моей кухней. И вот как-то, условно в шесть тридцать, идем мы к нему в квартиру, зная, что дедушка полчаса как должен уехать. С нами в парадную заходит миловидная женщина лет тридцати, обычная такая, не описать иначе, кроме как прохожая. Поднимаемся по лестнице и выясняется, что мы в одну квартиру. Сцена немее не придумаешь.

Мы тут же начали нагло изучать объект любви нашего жильца. Нет, ну прям хороша. И главное – никаких стеснений. Лицо даже не изменилось, когда мы встали у одной двери. Мы уже хотели как-то свалить, ну мало ли, ошибся со временем Ромео, но не успели. Дверь открылась. Борис Сергеевич был в расстегнутой рубашке, бледен и измучен.

– Верочка, спасибо что приехала. Мальчики, простите, что задержался. Сейчас мне укол сделают, и я уйду. Извините, нехорошо стало. Да вы проходите в кухню.

Борис Сергеевич был один. Только стакан воды на столе. Вера была строга.

– Борис Сергеевич, убьет это вас когда-нибудь. Ну я же вам уже сто раз говорила, так нельзя. Старый вы для таких волнений.

Мы тоже подумали, что как-то не очень изобретатель выглядит. Пора заканчивать с любовью.

Вера достала какие-то таблетки, штуку для измерения давления, шприц и увела деда в спальню. Вскоре они вернулись.

– Борис Сергеевич, всё. Хватит. Запрещаю как врач и как друг. Умрете прямо здесь, сгорите, а вы ей еще нужны, как-нибудь все образуется.

Борис Сергеевич опустил голову.

– Ну дай я последний раз, и пойду...

Он подошел к окну, стоял без движения минут пять, смотрел куда-то во двор, хотя я не очень понимал, что там такого интересного.

Я тихо спросил Веру:

– Куда он смотрит?

– Можно я расскажу, Борис Сергеевич?

Дед посмотрел на нас печально-счастливыми глазами и разрешил:

– Да теперь уж можно, все равно уезжаю.

– Внучка там его гуляет. У вас детский сад во дворике. Вот он и приезжает на нее смотреть. Родители так развелись, что их с бабушкой к внучке не пускают, только с судебными приставами, и каждый раз мамаша придумывает, как все сорвать. Вот он и ездит сюда все время. Сидит часами, и смотрит, и смотрит...

Я никогда не слышал до этого, как стучит мое собственное сердце. Стучит в каждом капилляре. И стыд... Такой тупой сверлящий стыд. Я не выдержал:

– Борис Сергеевич... Зачем же... Это же... Это же так больно...

Борис Сергеевич взглянул в окно еще раз, надел пиджак, посмотрел на нас тепло и изменил мой мир:

– Больно в пустое окно смотреть, а в это просто тяжело. До свидания, ребята. Верочка, давайте до метро вместе дойдем.

Борис Сергеевич вышел из квартиры и больше не возвращался.

Каждый раз, проходя этот двор, я смотрю на окно. Мне кажется, оно выгорело, как волосы у маленьких детей, бегающих летом под солнцем. Они не знают, откуда тепло. Да им и не важно. Тепло, и хорошо.

Ну а солнце... Солнце рано или поздно сгорит, пытаясь нас согреть.

Миллионы гениев в мензурке

Мой первый рассказ

Я мнителен. Любой прыщ считаю началом мучительного, но скорого конца. По этой же причине наличие презерватива было для меня единственным условием добрых отношений.

Но однажды, на втором курсе, вышла осечка. Наутро, протрезвев и осознав все риски произошедшего, я помчался в поликлинику. Доктор сообщил мне о каком-то инкубационном периоде и отправил восвояси.

Следующие несколько дней прошли в тумане, выискивании симптомов, составлении завещания и клятвах всем известным богам принять обет безбрачия в случае выздоровления. В назначенный день, трясясь, как советский трамвай, я сдал все анализы и впал в кому, не дожидаясь результатов. Через сутки врач огорошил меня новостью:

– Здоров!

Стоит ли говорить, что я ему не поверил и потребовал пересмотреть свои лживые показания или порекомендовать мне альтернативные анализы.

Осознав, что один из нас должен умереть, доктор отправил меня сдавать спермограмму. Он сообщил, что, помимо нескольких миллионов копий такого же труса, как я, в ней теоретически могут обитать интересующие меня микроорганизмы.

– Поднимись в лабораторию, там тебе все объяснят.

Слово «лаборатория» меня насторожило. В ней периодически доблестно трудилась МОЯ БАБУШКА. Встречать ее в данных обстоятельствах мне, по понятным причинам, не хотелось, но я рассчитывал на мое обычное везение. Пролетев два этажа, я открыл дверь в нужный кабинет и увидел знакомый профиль. Бабушка. Я зашел, обмяк и торжественно замолчал. Произнести слово «сперма» при бабушке сил не было.

– Ну, что, довеселился? – поинтересовалась Т. Р., протягивая мне нечто среднее между наперстком и маленьким пластиковым стаканчиком. Глаз от микроскопа она не отрывала. Это меня спасло от позорного обморока. (Думаю, врач-венеролог сообщил ей о моем визите по телефону, а как потом выяснилось, все другие мои анализы смотрела тоже она.)

– Сдашь, и сразу носи мне. Инструкция на двери в наше отделение, – отрезала бабушка. Вышел я сквозь дверь, как Гарри Поттер.

Посмотрев на мензурку, я наконец осознал, что от меня требуется, но все-таки решил ознакомиться с инструкцией. На двери крупными буквами были даны ответы на все мои вопросы:

«Получить в кабинете 143 пластиковый стаканчик.

Пройти в кабинет 146.

Путем массажа получить эякулят (это слово я прочел трижды, нервно размышляя, то ли это, о чем я думаю).

Сдать эякулят в кабинет 143 в течение 5 минут. (Кхе-кхе... а что будет, если опоздаю???)»

Массаж меня заинтересовал, хотя я, конечно, понимал, что массажистка в данной процедуре не предусмотрена. Развернувшись в поисках кабинета 146, я впервые понял, что это такое – желание провалиться сквозь землю.

Локейшн был следующий: огромный холл, в который выходила дверь бабушкиного отделения с той самой инструкцией, далее – приемная стоматологического отделения и в конце холла – кабинет номер 146. В общем, все сидящие здесь видели, как я читал инструкцию, и понимали, куда и зачем сейчас пойду. Все сидящие – это две женщины, парализованные

первобытным страхом перед бормашиной, которым явно не было дела до моего массажа, и две медсестры, стоявшие в регистратуре стоматологии. Этим как раз не было дела ни до чего, кроме моего массажа.

Они смотрели на меня в упор с нескрываемым ехидством. Маскировать стаканчик и изображать праздношатающегося было поздно – от моего лица можно было прикуривать.

Понимая, что при таких свидетелях холл преодолеть я не сумею и тем более не смогу выйти из кабинета 146 в здравом рассудке, я решил ретироваться под крыло старшего поколения. Бабушка вопросительно подняла брови. Собрав силы в голосовые связки, я изрек:

– А нельзя ли заняться таким непристойным делом дома? В окружении друзей и при помощи, так сказать, сочувствующих?

– Нет, нельзя – остынет. Иди сдавай, мне уходить надо.

После этой фразы я завис. Слово «остынет» в устах бабушки ассоциировалось у меня только с супом, овсяной кашей или, в крайнем случае, с ингаляцией.

Я застрял в коридоре, так как выйти обратно в холл, навстречу фуриям с горящими смешливыми глазами, не представлялось возможным. Был вариант минут через пять вернуться к бабушке со словами «не смог», но, во-первых, оставался страх смертельной болезни, а во-вторых, так низко пасть не позволяло тщеславие.

Собравшись с силами, я бодро открыл дверь и пошел на амбразуру. Первый же взгляд на регистратуру убедил меня в том, что «все бабы суки». Их там было уже четыре, и все как одна мерзко хихикали, а стоило мне целиком вылезти на свет, восемь глаз начали меня буравить. Думаю, уже вся клиника знала о моем сольном выступлении. Положение отчаянное. Отбросив стеснительность, я подошел к медсестрам и громко спросил, не хочет ли кто-нибудь из них мне помочь. Измученные болью и ужасом пациентки тоже повернулись (скажу честно, эти дамы при всем желании не смогли бы мне помочь). Настало время краснеть медсестрам. Одна сразу испарилась, три оставшиеся занялись заполнением историй болезни. Торжественно заявив, что «я так и думал», я направился в кабинет 146.

Его я запомнил на всю жизнь.

Внешне он не отличался от других кабинетов советской поликлиники. Я не ожидал бархатной обивки на двери, но возлагал большие надежды на внутреннее убранство помещения. Как-никак, там должен происходить хоть и неполноценный, но акт любви. Воображение рисовало телевизор с недоступной мне тогда порнографией, журналы Playboy на цепи или хотя бы каталог женской одежды, некоторые разделы которого были детально изучены мной еще в школе.

Естественно, предполагались душ и ложе. Реальность превзошла все ожидания – в храме любви не было ничего. Вообще. Стены, окрашенные в противозачаточный темно-зеленый, – и всё. Нет, вру, имелся офисный стул, и он, сволочь, стоял плохо, что было весьма символично. Похолодевшими руками я стал нащупывать задвижку, ибо в данной ситуации еще и кричать «занято» было бы вовсе сюрреалистично. На мое счастье, задвижка имелась. Решив проанализировать ситуацию, я сел на стул и чуть не навернулся.

Передо мной сразу встало несколько проблем. Жалкий виновник этого торжества из комы не выходил и признаков жизни не подавал. Слишком долго сидеть в этом карцере я не мог – бабушке, как вы помните, нужно было уходить!

За дверью находились пристыженные медсестры, и мое долгое пребывание в кабинете 146 вызвало бы у них нездоровые подозрения.

Комната одна, а желающих «помассажироваться» много. Не хотелось услышать стук в дверь и пожелание «быстрее...» – вы сами понимаете.

Не буду посвящать вас в детали следующих 10 минут, скажу лишь, что мое воображение никогда не работало так усердно. Силой мысли я перенес себя из этой тюрьмы в волшебную

страну и пребывал бы там счастливо, если бы не пластиковый стакан, узкое горлышко которого требовало точного баллистического расчета.

Усталый, но гордый я вышел из кабинета 146 и, окинув пунцовых медсестер взглядом победителя, строевым шагом отправился к бабушке. Медсестры уткнулись в бумаги.

В кабинет 143 я зашел, конечно, не таким смелым...

Пока бабушка запиховала «эякулят» под микроскоп, я озвучил петицию, посвященную непригодности кабинета 146 для указанных целей. Ответ был прост и совершенен:

– В следующий раз пойдешь на улицу. Там все приспособлено.

Бабушка посмотрела в окуляр, подвигала стекляшку, еще раз посмотрела и порадовала:

– Ничего нет.

– Что? Вообще ничего? – насторожился я.

– Что должно быть, то есть. Больше ничего. Здоров. Хочешь посмотреть?

Посмотреть хотелось. Даже очень. Я накрыл глазом черную трубу микроскопа и еще раз поверил в Бога.

Внизу бешено суетились сотни капелек, в каждой из которых невообразимым образом умещался человек и вся информация о его пороках и чертах характера, талантах и заболеваниях, родинках и длине ресниц.

В пластиковом стаканчике их было несколько миллионов. Я даже дышать перестал.

Бабушка прекратила эту рефлексю и одним движением руки уничтожила крупный европейский город, сплошь населенный гениями. Стало грустно. Мне дали побыть Богом, а я тут в кабинете 146...

Мышки по норкам

Иногда нам всем нужна последняя капля. Познакомился я в 2000-х с человеком по имени Артур. Интересное было у него занятие, я бы даже сказал, занятость: интервьюирование, отбор, обучение, прием на работу, разработка программы мотивации и системы оплаты труда, ну и увольнение. Да, вы угадали, Артур занимался кадрами, если точнее – он был сутенером. В Петербурге, особенно в тучные годы, проходило много конференций и форумов. Эти прекрасные события обеспечивали хлебом с напитками значительное количество горожан и гостей Северной столицы. А уж какой праздник происходил в душе девушек, не готовых работать в борделе, но стремящихся тем не менее как-то монетизировать хорошую генетику, и описать сложно. Ведь это какие мужчины со всей страны приезжают!

4У-самцы: ухоженные, упитанные, умные, успешные. В России и бесплатно с такими переспать не зазорно, а уж за деньги – можно сказать, обязанность. Но как их найти? Для этого был Артур, отвечавший в этом подряде за многое, но главным, как я уже сказал, были кадровые решения. Технология следующая: назначался ресторан, его закрывали, пускали слух о кастинге, девицы приходили, располагались за столиками и пили чай. Со стороны – гламурное такое Иваново. Артур подсаживался к тем, кто проходил его визуальное сито, болтал, выяснял, на что барышни готовы, как у них с головой, и принимал окончательное решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.